

лишь дворян или буржуа. А простой народ жил так же, как и сотни лет назад.

1. Гегель. Сочинения. М.–Л. : Государственное издательство, 1935. Т. 11.
2. Гутнер Г. Просвещение как социальный проект // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25).
3. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М. : Новое литературное обозрение, 2002.
4. Кант И. Соч.: в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1.
5. Ключевский В. О. Курс русской истории. М. : Мысль, 1993. Т. 6.
6. Рикуперати Д. Человек Просвещения // Мир Просвещения. Исторический словарь. М. : Памятники исторической мысли, 2003.
7. Серафим (Роуз). Человек против Бога. М. : Российское отделение Валаамского общества Америки, 1995.
8. Смит А. Теория нравственных чувств. М. : Республика, 1997.
9. Черная Л. А. Философско-антропологический анализ представлений о человеке в эпоху Просвещения. М., 1999.

Т. А. Сироткина

**Этнонимы в нарицательном значении
как продукт вторичного семиозиса**

УДК 81'373.23

В статье анализируется процесс вторичного семиозиса в области этнических имен. Этот процесс, по наблюдениям автора, приводит к возникновению ксенонимов, как называющих предметы и явления внешнего мира, так и характеризующих человека. Делается вывод о том, что в процессе функционирования данных единиц коннотация может стираться, однако принцип номинации через «чужое» остается актуальным и способствует появлению новых этнолексем.

Ключевые слова: *семиозис, этнонимы, ксенонимы, коннотация.*

T. A. Sirotkina. Ethnonyms in appellative meaning as a product of secondary signification

The article analyzes the process of semiosis of the secondary ethnic names. The author argues that this process leads to appearance of xenonyms both naming objects and phenomena of the real world, and characterizing human. It is concluded that in the functioning of these units their connotation can be erased, but the principle of nomination based on the meaning of "foreign" remains relevant and contributes to the emergence of new ethnolexemes.

Keywords: *semiosis, ethnonyms xenonyms, connotation*

Одним из путей познания ментальности человека является изучение семантики и внутренней формы языковых единиц. Это позволяет лингвистам «через постижение ценностных ориентаций, зафиксированных в языке, установить особенности мировосприятия народов, реконструировать культурные архетипы» [13:202].

Предметом настоящей статьи являются названия народов (этнонимы), функционирующие в пермских говорах, как продукт вторичного семиозиса.

Как известно, в общем значении семиозис – это процесс порождения значения. Выделяют обычно два вида механизмов семиозиса: 1) первичный, результатом которого являются словесные знаки; 2) вторичный, названный Э. Бенвенистом «семантической интерпретацией» [1:167], под которым понимается такое явление, когда синергетика текста взаимодействует с энергетикой говорящего, что порождает определенный «неизреченный остаток» [12:365].

Часто в языке мы можем наблюдать акты «ксенономинации», т. е. номинации через чужое. Ксенонимы – это слова и фразеологические сочетания, возникшие в результате семантической деривации на основе этнонимов и топонимов и мотивированные обобщенными представлениями о чужих народах и землях» [2:2].

Анализ этнонимического материала позволяет нам говорить о том, что в результате процесса ксенономинации возникает две большие группы огэтнонимных ксенонимов:

1. Лексические и фразеологические единицы, служащие названиями различных предметов и явлений окружающей действительности. Они не имеют яркой коннотации и представляют собой термины, являющиеся:

а) названиями одежды: «*Татарка* – шуба на овечьем меху, с борками, поджимистая, то рубчик, то полусуконье возьмут; пышны рукава с грибочками, воротник из матерьялу» [8; 2:434];

б) названиями растений: «*Татарка* на репейник находит, ей одёжу жёлтили, така дублёна одёжа делалась» [8; 2:434]; «Эта трава от тоски помогает. Вот ведь если не *татарские мыльца*, то уж не знаю, чё бы со мной было – ведь сколько я тосковала»; «От тоски пили *татарские мыльца*, у воды растут, цветки красные, а листики-те узкие, длинные» [6:226]; «Ето китайская роза. Герань была. Большущая такая. Бурдовые и розовые букеты вот таки больши» [4];

в) названиями игр: «Мы раньше ишшо *зыряном играли*, ноне уж так-ту не играют, о святках одного средят, долгущего, остальные над им галятся» [8; 1:339]; «В *татарку* играют. Колышек вобьешь, но только чтобы свободно, не глубоко, на него «татарку», палочку небольшую выстругивают с головкой, наденут. Вокруг колышка круг чертят небольшой, примерно тридцать сантиметров. Потом бросают палки, метров с шести. Есть еще порушило – черта в трех метрах. На нее переходят после трех точных ударов подряд. Кидают в палку, на которой висит «татарка», та отскакивает, кто шарит, бежит за ней, а все остальные за своими палками. Ведущий бросает «татарку» в круг, и если он попал, то тот, кто не успел убежать за кол, становится ведущим. А если ты ударил, то «татарка» сразу упала в круг, то никому бегать не надо... ты шаришь» [11:52];

г) названиями географических объектов (топонимами): «*Вогульские чурки* – чурок или скала. Камень называют ишшо»; «*Вогульское* – ето берег называтца, площадь такая, берег»; «Пониже острова Ябрусскова есь *Вогульская* – называем так луг, берег»; «Из Мордвы. Они работали там. И прозвали так – *Мордовская дялянка*»; «*Мордовская дялянка* – там мордва населяли, потом снова ушли» [4];

д) названиями птиц: «У нас новая птица появилась – *татарская ворона*. Похожа на галку, хохолок большущой, под крыльями бело; на сороку находит, а поет – как маленький ребенок» [6:58].

2. Лексемы, называющие человека, его действия и состояния. Данные ксенонимы, как правило, имеют яркую коннотацию, отражают ассоциации, связанные с представителями различных этносов.

Как известно, модель мира в любом языке строится на системе бинарных оппозиций, которые связаны, в том числе, с социальными

категориями – мужской/женский, старший/младший, свой/чужой [10:5].

Представители определенного этноса всех других считают «не такими». Например, слово *нерусский* у представителей русской культуры имеет значение «ничего не умеющий, бестолковый»: «У нас на работе палец отпилили пилой, стали разбирать-то, уж нерусский – так нерусский: так и есть, раззява».

Синонимичными слову *нерусский* в данном значении являются этнонимы *татарин*, *вотьяк*, *вогул*: «Зачем собаку-то он бил? Вот татарин он де-ка»; «Ето которой по-русски говорить хорошо не умеет, вот и вотьяк»; «У нас, который оденется плохо, ругают: вогул ты» [4].

Точно так же у татар или коми-пермяков этноним *русский* может иметь отрицательную коннотацию: «Татары своенравных и причудливых людей зовут русскими» [5:151]; «Пермяки... очень нечистоплотны. Если попадетсЯ обиходная женщина в семью, то «большаки» бывают ею недовольны и ругают ее «обиходкой», «русской» [3:19].

Тунгусом в пермских говорах называют молчаливого человека: «Спросишь – он молчит. Тонгус называют. Он-де какой тонгус, нельзя-де слова докупиться». Шутливое и бранное значение слова *воть*, имеющее в Словаре русских народных говоров помету «пермское», – «дурак, разиня, болван» [9:164]. Этноним *еврейка*, имеющий негативную коннотацию, используется по отношению к сердитому, раздражительному человеку: «Мачеха-то у меня такая еврейка была. Слова я при ней сказать боялась» [8; 1:243].

Отрицательную оценку получает у носителей говоров неумение говорить по-русски: «Это которой по-русски говорить не умеет, вот и *вотьяк*».

Старообрядцы в народном сознании – это отдельный народ, «как нации». Слово *кержаки*, как и многие этнонимы, имеет переносное значение – «упрямый, замкнутый человек, а также скупой».

Как мы видим, чаще всего в переносном значении выступают собственно этнонимы. Реже выполняют оценочную функцию различные отэтнонимные образования, например глаголы или прилагательные: «Ходит и всех *обцыганиват*, обманывает всех *окаянный*»; «Сосед-то у меня шибко *тунгусливой*, слова от него не дождешься».

Кроме того, в данную группу ксенонимов входят индивидуальные и коллективные прозвища: «Ивана Андреевича все *Вогулом* зва-

ли. Мать у него вогулка с Усть-Улса»; «Сыпучане – *монгольцы*», «*Монголы* – в Сыпучах» [4]. В ряде случаев этимология подобных прозвищ остается невыясненной, в других случаях местные жители знают, за что их соседи получили то или иное отэтнотимное прозвище – например, жителей д. Коми-Березовка, предки которых на рубеже XIX–XX вв. переселились из коми-зырянского с. Усть-Нем (бассейн Вычегды), соседнее русское население называло *лопарями некрещеными* за то, что подобного населения, к тому же не посещавшего храмы, рядом не было.

Показательны в плане ксенономинации фразеологизмы с этническим компонентом. Как известно, фразеологизмы в большей степени, чем единицы других языковых уровней, вбирают в себя национальную специфику и ценностную ориентацию их носителей.

Особенно продуктивен в пермской фразеологии этноним *татары*: *татара (молотят) в голове* – головокружение, головная боль, тяжесть: «Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове»; *татарам на хмель* – ни на что не годен: «Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь. – Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель; *татарин родился* – о моменте мгновенной тишины: «Татарин что ли родился? Почему тогда замолчали? Разговаривайте» [6:372].

Наряду с этнонимами в состав фразеологизмов входят отэтнотимные прилагательные: *коромысло татарское* – высокий сутулый человек: «Спать ложуся, дак только и разгибаюсь, а днем как коромысло татарское – не согнуться, не разогнуться» [6:372].

Как мы видим, отэтнотимные образования, в том числе фразеологизмы, образуются от названий тех этносов, которые актуальны для русских, проживающих с ними в тесном контакте. Если для русских Прикамья это *татары*, то, например, для жителей Волгоградской области – такая субэтническая группа русского народа, как *казаки*: «Вид казака, а ум дурака», «Казак без лошади, что рыбак без лодки», «Казак работает на быка, а бык на казака», «Казаку конь себя дороже», «Конь без казака, что лодка без рыбака» [7; 3:14–15].

Этноним *лоп* не представлен в Прикамье так ярко, как на Русском Севере, однако и у нас упоминание об этом северном народе содержит фразеологизм *Шиша да Лоп* – случайные, незначительные

люди; сброд, пустословы: «У нас пекаря Шиша да Лопа, плохо пекут, пьяницы, неохота робить-то» [6:425].

Этнонимы в составе экспрессивных оборотов выражают различные эмоции человека. Например, *будь ты жид* – восклицание, выражающее удивление, неприятие: «Будь ты жид, почет-то Любка туды идет» [8; 1:73].

Фразеологизм *ногайская кобыла* характеризует не в меру резвящуюся девочку-подростка: «Мать дочь ругат: ты ногойская, говорит, кобыла. Вон эки девки-те, как ногойские кобылы носятя» [6:169]. Как известно, ногойцы особое внимание уделяли выращиванию выносливых коней, способных переносить длительные переходы.

Показательны в плане сопоставления "своих" и "чужих" устойчивые сравнения. В пермских говорах функционируют сравнения *как вогулы, как чучмеки, как чучкари* (чучмеками или чучкарями в Прикамье назывался древний народ – *чудь*): «Живем, как вогулы, ругамся, грешим, переговаривам, вот дождя и нет» [4]; «Раньше чё, книжек не читали, радио не слышали, как чучмеки жили»; «Дикие, как чучкари жили, не смели ничего, кроме отца сделать, ничего не знали, не училися дак» [6:420]. *Как цыгане* – говорят о людях, не любящих жить подолгу на одном месте: «Как цыгане: своего дома не имели. Сёдня здесь – завтра там» [4]. Темный цвет лица и узкий разрез глаз служат поводом для возникновения сравнений *как китаец, глаза как у китаецца*: «Да вот у нас тут в суседах есть парень. Такой чернуший, как китаец»; «Проспишь до утра. А утром глаза как у китаецца станут. Распухнет лицо от комаров» [4].

Таким образом, процесс вторичного семиозиса в области этнических имен приводит к возникновению ксенонимов, как называющих предметы и явления внешнего мира, так и характеризующих человека. Чаще всего при этом актуализируется сема «чужой», входящая в семантическую структуру этнонаименований. В некоторых случаях, помимо этого, реализуются и некоторые потенциальные семы конкретных этнонимов (*цыган* – обманщик, *татарин* – злой, *еврейка* – жадная и т. д.). В процессе функционирования данных единиц коннотация может стираться, однако принцип номинации через «чужое» остается неизменным и способствует появлению новых лексических единиц.

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред., с вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1974.
2. Березович Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 3–20.
3. Камасинский Я. Пермьяки–инородцы. Около Камы. М. : Типография т-ва И. Д. Сытина, 1905.
4. Материалы экспедиций в д. Акчим Красновишерского района Пермской области из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.
5. Мельников П. И. (А. Печерский). В лесах // Собр. соч. : в 8 т. М. : Правда, 1976. Т. 4.
6. Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Перм. ГПУ, 2002.
7. Словарь донских говоров Волгоградской области / сост. Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун. Волгоград : Изд-во ВГМПК РО, 2007. Вып. 3. К–Н.
8. Словарь пермских говоров : в 2-х вып. Пермь : Книжный мир, 2000–2002.
9. Словарь русских народных говоров. М.–Л. : Наука, 1965. Вып. 1.
10. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005.
11. Черных А. В. Куединские праздники. Календарная обрядность русских Куединского района Пермской области в конце XIX – первой половине XX в. : матер. и исслед. Пермь : Изд-во ПОНИЦАА, 2003 (Б).
12. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Симпозиум, 2004.
13. Юздова Л. П. Изучение фразеологизмов со значением качества признака как один из путей познания ментальности человека // Виноградовские чтения: материалы Всеросс. научно-практич. конф. 23–24 ноября 2005 г. Тобольск, 2005. С. 202–203.